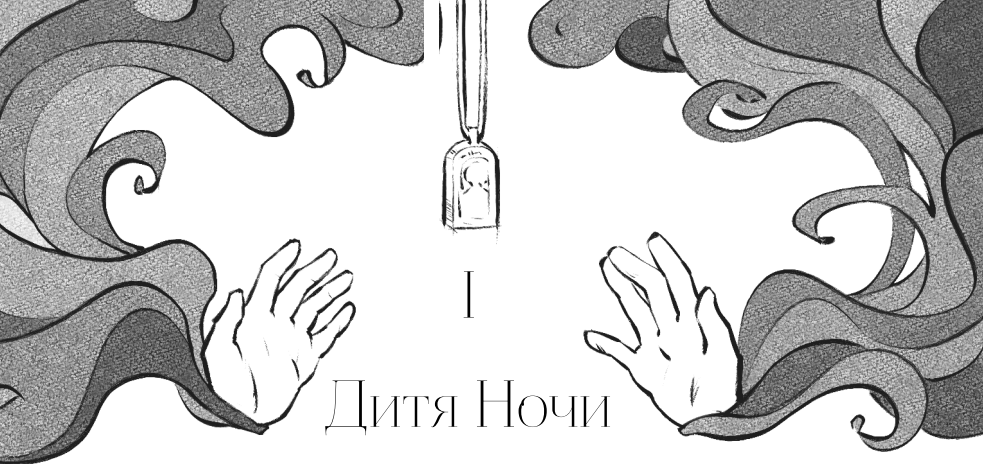

Дитя Ночи

Глава I Избранник тьмы

Он увидел их впервые, когда ему было шесть. Там, где кончался двор и начинались заросли колючего кустарника, под низкими шипастыми ветвями клубились сгустки тьмы. Как будто ночь, уползая поутру, зацепилась за тернии и оставила на них лоскутки мохнатой шкуры. У них не было ни глаз, ни рта, но уже тогда он чувствовал: они живые. Они наблюдают. Они заметили его.

Испугавшись, он вскочил и побежал в дом. На пороге столкнулся с матерью, вцепился в ее руку.

— Матушка! — пролепетал он, тыча пальцем в копошащуюся тьму. — Смотрите, там, под кустом!

Мать растерянно прищурилась. Покачала головой, сбитая с толку странным поведением обычно серьезного, не по годам рассудительного сына.

— Что ты такое говоришь? Нет там ничего.

Но он видел. Он видел, как трепещут клочки тьмы на несуществующем ветру, как жадно они подергивают оборванными краями и шепчут:

«Иди к нам, мальчик. Иди к нам. Ты наш».

Он бросился в дом, взбежал по лестнице в спальню, забился под одеяло. Сердце колотилось — вот-вот выскочит! Снизу неслись голоса родителей, приглушенные и встревоженные — не могли взять в толк, что с ним стряслось.

Отпылал кровавый закат. Небо стало черным, как густая смола. В окно влился зыбкий лунный свет.

Он лежал, распахнув глаза. Слушал: не скрипнет ли ступенька? Не зашуршит ли по полу скользящий след? Но когда тьма пришла, она не пробралась в щель под дверью, не просочилась в приоткрытое окно с прохладным ветерком. Она сгустилась в изножье кровати, косматая и непроглядная, размером с большую головку сыра.

«Ты не уйдешь. Иди ко мне. Иди ко мне. Иди ко мне».

И прежде, чем он вскочил, сама скользнула вперед, бросилась в лицо, грозясь поглотить весь мир. Он вскинул руки, и те окунулись во тьму по самые запястья.

Тьма не была ни горячей, ни холодной, просто густой, как чернила. Обволокла кожу, ласковая, будто прикосновение смерти.

Несколько секунд кисти рук оставались погружены в нее, как в воду. А потом тьма вдруг исчезла. Не развеялась, как клуб дыма, не растворилась, как сахар в чае, но ушла внутрь, под кожу. Впиталась до последней капли.

От ногтей до запястий кожа почернела. Он в ужасе уставился на свои растопыренные пальцы. Они будто светились, только наоборот — воздух вокруг потемнел на пару оттенков.

Потом все стало прежним: чернота под кожей рассосалась, и он снова глядел на обычные руки обычного мальчика. Но знал: оно внутри. Чувствовал слабое жжение, будто кости залили изнутри теплым воском.

Жжение росло. В ладонях, как готовящиеся лопнуть весенние почки, набухал жар, понемногу становясь невыносимым. Он испугался, что подожжет дом. Они были бедными — всего двадцать душ. Если дом сгорит, на что отстраивать?

Он вскочил с постели и, как был, в одной рубашке помчался вниз. Проскочил через сени, и тут — окликнули. Обернулся.

Сонная дворовая девка смотрела на него слипающимися глазами. Пробормотала:

— Куда ж вы, барич? Ночь на дворе.

Жар в ладонях взвился вверх, к локтям, к сердцу.

«Убей, — прошипела тьма. — Ударь. Сделай больно».

Он отшатнулся. По краям зрения клубился красный туман. Руки потянулись вперед, пальцы изогнулись когтями хищной птицы, мечтая вгрызться в горло.

Давить. Рвать. Бить.

Он хотел увидеть кровь. Смыть черное красным.

Потом он разглядел глаза дворовой, голубые, как два маленьких озера. Сонный туман в них понемногу сменялся тревогой. В зрачках отражался свет звезд.

Тогда он развернулся и побежал.

Очнулся на краю рощи: босые ноги исхлестаны крапивой, руки горят, ребра трещат от бушующего внутри пламени. Вокруг ни людей, ни зверей, только редкие ночные птицы перепеваются высоко в ветвях. Слишком высоко.

Но нужно выпустить пожар, иначе — сожрет изнутри.

Он закричал. Яростно, как раненый зверь. Выдыхая черным паром холодный страх и горячий гнев. А когда и этого оказалось мало, замолотил кулаками по стволу дерева, обдирая костяшки о шершавую кору.

Он вернулся в дом с окровавленными руками, на негнущихся ногах. Тихая усадьба обернулась встревоженным ульем: галдели дворовые, что-то твердил отец. Где-то плакал младший брат. Суматоха не прекращалась, пока мать не взяла дело в свои руки — приструнила прислугу суровыми взглядами и строгими выговорами.

Отец коснулся его лба мягкой ладонью, покачал головой:

— Да он горит.

— Уложите в кровать, — распорядилась мать. — И за лекарем пошлите. Ну, скорее! Да успокойте кто-нибудь Андрюшу, всю округу ревом перебудит.

Он быстро убедился: никто, кроме него, тьму не видит. Спрашивал у многих, как бы невзначай:

«Что это там на крыше, птица?»

«Кажется, что-то под кустом застряло?»

Прислуга, брат, заезжие гости — все крутили головами и тарасили глаза. Тогда стусевывался:

«Померещилось».

Потом и спрашивать перестал.

Нельзя рассказывать. Нельзя подавать виду. Прослышешь умалишенным или, того хуже, — одержимым дьяволом. А до роги назад нет.

Они появлялись на закате и исчезали с рассветом. Стоило солнцу покатиться к краю неба, ушей касался шепот:

«Иди к нам. Ты наш. Ты наш».

— Ничего я не ваш! — зло шептал он в ответ. — Никогда я к вам не пойду!

Молился с удвоенным рвением. Смотрел на черные сгустки с ненавистью. Тогда, бывало, прижаткнутся. Если повезет, даже отлетят под волной жаркого гнева, рассеются, как дым.

Но чаще — они до него добирались. Проникали под кожу, наплевав на ужас, на отвращение, на слабое постыдное «не надо». И внутри снова разгоралось черное пламя.

Он не мог убежать у всех на глазах — пришлось научиться терпеть. И горячий пульс, рвущийся наружу. И мягкий шепот, подначивающий наброситься, изломать, разорвать. Терпеть, пока не представится случай улизнуть, и уже в одиночестве, вдали от чужих глаз, дать волю буре, пока взгляд не прояснится, а в ушах не останется один только стук крови.

Он не знал, почему тьма выбрала его. Знал другое.

Он ей не проиграет.